

**ПУШКИНСКИЕ БАЛЛАДЫ
В «КАТЕНИНСКОМ» КОНТЕКСТЕ
(1828 год)**

В 1828 году между Пушкиным и Катениным состоялось «любопытное поэтическое состязание», тайный полемический смысл которого был реконструирован в статье Ю. Н. Тынянова «Архансты и Пушкин». 27 марта этого года Катенин отправил Пушкину вместе с дружественным письмом целый ряд своих стихотворений, в число которых входили «Старая быль» и приложенное к ней послание «А. С. Пушкину» («Вот старая, мой милый, быль...»). Помещенные рядом, они прозрачно намекали на репутацию Пушкина как певца власти. «Старая быль» повествовала о соревновании двух певцов — грека-скопца и русского воина — при дворе князя Владимира, только что получившего в жены царевну Анну. Песнь грека восхваляет славу византийских императоров, к которой теперь причастен породнившийся с ними Владимир. Это была ядовитая параллель к пушкинским «Стансам» (1826), где было декларировано «семейное сходство» Николая I с его великим пращуром. Русский воин в балладе Катенина отказывается от состязания и получает «вторую» награду — кубок. В послании, служившем своего рода постскриптумом к «Старой были», рассказывалось, что кубок в конце концов попал к Пушкину, но, по слухам, пить из него, не облившись, могут лишь истинные сыны Феба. Проверить этот слух Катенин предлагает на «младых романтиках», и если они не справятся с замороженной чашей, то и он не рискнет разделить с Пушкиным доступный лишь ему одному волшебный напиток. Комплиментарное содержание послания камуфлировало желчный смысл «Старой были», в то же время указывая на того, с кем следует соотнести ее сюжет.¹

Весьма высоко ценивший критическое и художественное творчество Катенина Пушкин был поставлен в щекотливое положение. Письмо он получил в мае, но лишь 10 ноября 1828 года написал стихотворный «Ответ Катенину» с отказом от кубка и от напитка («*Не пью, любезный мой сосед!*» — III, 135) и сразу же отправил его вместе со «Старой былью», но без послания «А. С. Пушкину» в «Северные цветы». Задержка с ответом заставила Катенина сильно нервничать,² но

¹ См.: Тынянов Ю. Н. Архансты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 73–85.

² Тынянов приводит его письма к Н. И. Бахтину, в которых беспокойство автора «Старой были» заявлено вполне откровенно (см.: Там же. С. 82).

и Пушкин, по-видимому, в течение лета и осени напряженно размышлял о Катенине. С этими размышлениями, несомненно, связано появление баллады «Утопленник», написанной не позднее 29 сентября 1828 года.³

«Старая быль» неотвратимо обращала мысли Пушкина к жанру баллады. Как отметил Тынянов, ее метрика (за исключением песни грека) отсылала к «Песни о вещем Олеге» (1822),⁴ но дело было не только в метре. Катенин разными способами акцентировал проекцию на пушкинскую балладу — и будто бы невзначай введенным словечком «вещие» («Пусть вещие придут и станут на суд»⁵), и рифмой «награда — Царьграда»,⁶ перекликающейся с пушкинской «отрада — Цареграда» (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 74), и вариацией двух пушкинских стихов («Правдив и свободен их вещей язык / И с волей небесною дружен» (Там же) — «Премудр и премилостив твой мне совет / И с думой согласен моею»⁷), и финальной сценой пира, где так же, как на тризне Олега, из рук в руки переходит круговая чаша, а боевые товарищи русского певца поминают минувшие дни.⁸ Но главной проекцией была воз-

³ В этот день С. Н. Карамзина сообщила П. А. Вяземскому, что Пушкин «сочинил маленькую балладу "Утопленник", которая порядком наводит страх» (Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) / Публ. К. Богаевской, Л. Добровольского и др. // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 82). В статье «Архаисты и Пушкин» Ю. Н. Тынянов упоминает интересующую нас балладу, но вне связи с историей «Старой были»: «Пушкин не раз пробует балладу, как бы ищет в ней пути для свежих лирических жанров. И в балладах своих он идет за Катениным, а не за Жуковским. Таковы "Женех" (1825), "Утопленник" (1828)» (Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 68).

⁴ Там же. С. 78. Метрика, строфика и образный строй пушкинской баллады 1822 г., в свою очередь, ориентированы на переведенную из Шиллера балладу Жуковского «Граф Галсбургский» (1818) (см.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 107–108; Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975. С. 198–199; Немзер А. С. «Сии чудесные виденья...» // Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив. М., 1987. С. 223–225).

⁵ Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 177 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Там же. С. 182.

⁸ Едва ли поэтому вполне прав А. С. Немзер, полагая, что «стрела Катенина предназначалась не Пушкину, а Жуковскому, в изрядной мере — как автору (переводчику) "Графа Галсбургского"», а может быть, также Языкову и Козлову (Немзер А. С. «Песнь о вещем Олеге» и ее следствия // Acta slavica estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 262–263). Другое дело, что возможность косвенным образом задеть Жуковского вполне могла соответствовать желаниям Катенина.

возможность сопоставления центральных фигур обоих произведений. Из двух певцов, изображенных Катениным, русский воин, несомненно, соответствует фигуре волхва. Оба они отказываются от коня (катенинский герой решает не претендовать на эту награду, пушкинский просто отвергает ее). Нежелание русского певца соревноваться в прославлении власти имущих, уклончиво мотивированное тем, что «петь о великих царях и князьях / Ума не достанет, ни силы»,⁹ должно было вызывать в памяти гордую речь пушкинского кудесника: «Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен; / Правдив и свободен их вещий язык / И с волей небесною дружен» (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 74).¹⁰

Волхвом посрамлен вещий дар Олега — и это служит лишним указанием на то, кто в «Старой были» является подлинным, хотя и не признанным, победителем. Что же касается княжеской награды, полученной греком, она, в сущности, оказывается ненужной: конь с боевым доспехом подобает воину, а не скопцу, который, садясь на коня, доспех немедленно отсылает. Послание «А. С. Пушкину», продлевая сюжет «Старой были» в современность, повествует о том, что от этой награды не осталось следа: латы украдены или истлели, «Конь, верно, пал».¹¹ Последнее сообщение, казалось бы, избыточно, ведь со времен Владимира протекли века, — но упоминание о смерти коня еще раз возвращает к «Песни о вещем Олеге». Там конь стал ненужной и даже гибельной жертвой, в «Старой были» — ненужным даром.¹²

Вернемся, однако, к «Утопленнику», ритмически и строфически организованному совершенно иначе, чем «Старая быль». Пушкинская баллада 1828 года написана четырехстопным хореем, со строфическим делением на восьмистишия, организованные как два четверостишия с перекрестной рифмовкой. И если, выбирая стиховую форму «Старой были», Катенин отсылал к «Песни о вещем Олеге» Пушкина, то строфика «Утопленника» была обратной отсылкой Пушкина к Катенину. Восьмистишиями четырехстопного хореем были написаны три его ранние баллады, опубликованные в 1815 и 1816 годах: «Певец.

⁹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 183.

¹⁰ Последние два стиха не случайно, как было указано выше, перефразированы Катениным.

¹¹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 184.

¹² По замечанию А. С. Немзера, мотив «конь — дар государя» пришел из «Графа Галсбургского» (см.: Немзер А. С. «Песнь о вещем Олеге» и ее следствия. С. 263). Но в балладе Жуковского священник принимает этот дар, благословляя дарителя и предрекая ему славное будущее. Мотив трансформирован уже у Пушкина, и с ориентацией на него трансформируется далее Катениным.

Из Гёте»,¹³ «Наташа» и «Ольга. Из Бюргера», с тем отличием от пушкинской строфы, что во втором четверостишии во всех трех случаях использована парная рифмовка. Первая из названных баллад должна была вспомниться Пушкину при чтении «Старой были», поскольку в ней воспроизведена сюжетная ситуация «Певца». Эта переводная баллада, по выражению Н. И. Бахтина, «обрусела»¹⁴ в переложении Катенина. В немецком романсе старый певец отказывается от золотой цепи, предложенной королем в награду за выступление, и просит вместо нее поднести ему кубок светлого вина, поскольку поет по собственной воле, не ожидая вознаграждения. В балладе Катенина действие перенесено в столичный Киев, певец выступает на пиру князя Владимира. Те же самые обстоятельства повторены в «Старой были», однако сюжет усложнен в сравнении с ранней балладой: на праздник приглашены теперь два певца, а не один, задумано состязание, и кубок, фигурировавший в «Певце», становится «утешительной» наградой тому, кто уступает первенство.

Отметим, что к 1828 году восьмистишиями четырехстопного хоря с перекрестной рифмовкой были написаны также «Кассандра» (1808) и «Ахилл» (1814) Жуковского.¹⁵ Но, разумеется, «Утопленник» ориентирован не на эти баллады с античным сюжетом, а на ранние «русские» баллады Катенина, в которых раз за разом усиливался «простонародный» колорит (к числу уже названных следует добавить «Убийцу» и «Лешего», обе 1815). Существенно, что работа над ними еще тогда мыслилась Катениным именно как состязание двух певцов: свои просторечные, грубоватые баллады он противопоставил изящным балладам Жуковского:¹⁶ «Ольга», как и «Аюдмила», была переводом баллады Готфрида Бюргера (Bürger; 1747–1794) «Ленора» («Lenore», 1773), а в «Наташе» варьировался близкий сюжет. Если наложить на эту ситуацию сюжет «Старой были», Жуковский оказывался в роли

¹³ Вольное переложение романса И. В. Гёте «Певец» («Der Sänger») из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre», 1795–1796) (кн. 2, гл. XI).

¹⁴ Цит. по: Сочинения и переводы Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 1. С. XI. Так же «обрусел» в переложении Жуковского «Овсяный кисель» («Das Haberthus») И. П. Гебеля (Hebel; 1760–1826), став ранним (созданным в 1816-м и опубликованным в 1817 г.) образцом «русской» идиллии — подобно тому, как годом раньше «Певец» стал ранним образцом «русской» баллады.

¹⁵ Во второй половине 1828 года ту же строфу, чередующуюся с четверостишиями, Жуковский использовал в балладе «Торжество победителей».

¹⁶ «Спор шел о разных направлениях в жанре баллады: об изящной, идеализированной и мечтательной балладе Жуковского и народной, просторечной, грубоватой балладе Катенина», — точно характеризовал сущность этого противостояния Б. В. Томашевский (*Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 98).

сладкоречивого грека. Надо полагать, что в 1828 году Катенин эту параллель вполне осознавал¹⁷ — как сознавал ее и Пушкин, вспоминая, работая над «Утопленником», давнишнюю полемику, вызванную противопоставлением двух типов баллад: в 1816 году Н. И. Гнедич выступил в «Сыне отечества» (Ч. 31. № 27) с критикой Катенина, А. С. Грибоедов на страницах того же журнала (Ч. 31. № 30) — с критикой Жуковского и возражениями Гнедичу.

«Утопленник» написан вполне в духе Грибоедова и Катенина; грубая натура представлена здесь без стеснения. Простонародный характер произведения Пушкин акцентировал в подзаголовке, который при публикациях варьировался: «Утопленник» печатался и как «Простонародная песня»,¹⁸ и как «Простонародная сказка».¹⁹

¹⁷ В этом (но только в этом) смысле можно вслед за А. С. Немзером допустить, что косвенно «Старая быль» адресовалась также и Жуковскому.

¹⁸ Московский вестник. 1829. Ч. 1. С. 80.

¹⁹ Там же, в оглавлении; Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829. Ч. 2, в оглавлении. Почему в тексте «Московского вестника» фигурирует одно жанровое определение, а в оглавлении — другое, однозначно объяснить едва ли возможно. Стихотворение было передано в журнал через С. П. Шевырева, по-видимому, в декабре 1828 года; к публикации его, скорее всего, готовил М. П. Погодин. Маловероятно, что кто-либо из них изменил пушкинский подзаголовок без согласования с автором. Можно было бы думать, что исправление «песни» на «сказку» было сделано по желанию Пушкина, но внесено только в оглавление, которое к тому моменту еще не было набрано. Однако любопытно, что в анонсе, помещенном в предыдущем выпуске журнала, произведение фигурировало как «Утопленник, простонародная русская сказка (А. С. Пушкина)» (Московский вестник. 1828. Ч. 12, № 23–24. С. 399; цензурное разрешение 28 декабря 1828 г.). В любом случае показательно, что подзаголовок «Простонародная сказка» был принят во второй части «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 года. В 1850–1851 годах С. П. Шевырев рассказывал, что, когда он «уезжая за границу в 1829 году, был в Петербурге, Пушкин предложил ему несколько своих стихотворений, в том числе «Утопленник» и перевод из «Валленрода», говоря, что он дарит их ему и советует издать в особом альманахе, но за отъездом тот передал их Погодину» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 41), то есть в «Московский вестник». Этот эпизод мог бы произойти между 18 февраля 1829 года (16 февраля Шевырев приехал в Петербург, 18-го писал М. П. Погодину, что еще не виделся с Пушкиным, который находился в столице с 18 января (см.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. Цявловского при участии К. П. Богаевской // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 702; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 11) и 10 (?) марта, когда Пушкин выехал из Петербурга (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 26). Однако в действительности передача стихотворений Шевыреву произошла несколько раньше, и не в Петербурге, а в Москве, где Пушкин находился с 6 декабря 1828-го по 5 или 7 января

Определение «сказка» побудило в свое время Д. Д. Благого настаивать на том, что «Утопленник», так же как «Жених» (1825), должен помещаться в разделе сказок: «невключение их в этот раздел <...> нарушает волю поэта».²⁰ Между тем оба подзаголовка, с которыми печатался «Утопленник», вписываются в современный Пушкину контекст осмысления жанра баллады, а первый из них, кроме того, — и в интересующий нас «катенинский» контекст.

«Простонародная песня» корреспондирует и песенному соотнесению в «Старой были», и заглавию связанной с ней «Песни о вещем Олеге», написанной, как уже сказано, балладной строфой. Генетическая связь баллады и песни была хорошо известна: «Изобретение баллады приписывают италианцам. У них она не иное что есть, как плясовая песня, имеющая только на конце обращение к какому-нибудь присутствующему или отсутствующему лицу. *Vallo* на итал. языке значит *пляска*, отсюда *ballada* или *ballata*».²¹ (Любопытно, что при позднейшей фольклоризации текста «Утопленника» он использовался именно как плясовая песня.²²) Подчеркивалась и близость баллады к романсу: «У немцев баллада состоит в повествовании о каком-либо любовном или несчастном приключении и отличается от романа наиболее тем, что всегда основана бывает на чудесном; разделяется также на строфы».²³ Возможно, что именно с учетом связи этих жанров Пушкин, готовя в 1836 году так и не состоявшееся издание стихотворений, собирался объединить баллады и песни в одном разделе, который должен был открываться «Песнью о Вещем Олеге».²⁴

1829 года (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 439; Т. 3. С. 7). Это подтверждается тем, что журнал, в котором были напечатаны и «Утопленник», и «Отрывок из Поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод», и еще целый ряд стихотворений Пушкина, вышел в свет 2 января 1829 года (см.: Синяевский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 58).

²⁰ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина: (1826—1830). М., 1967. С. 532.

²¹ Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1. С. 58.

²² См.: Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века) / Ред., ст. и коммент. И. Н. Розанова. М., 1936. С. 276 («Б-ка поэта». Большая серия); Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Учен. зап. Лен. гос. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 14. С. 63; Новикова А. М. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX века и народная песня. М., 1982. С. 162—163; Мельц М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825—1917 гг. и русском фольклоре. СПб., 2000. С. 38.

²³ Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. Ч. 1. С. 62—63.

²⁴ См. выполненное Е. О. Ларионовой описание подготовительных материалов этого издания: АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 366.

С подзаголовком «сказка» трижды в 1824 году была напечатана баллада Жуковского «Замок Смальгольм».²⁵ Но, работая над ней, Жуковский колебался между определениями «баллада» и «сказка»²⁶ и в четвертом издании своих стихотворений поместил ее в раздел «Баллады» (в пятом издании, организованном не по жанровому, а по хронологическому принципу, в оглавлении было указано: «Замок Смальгольм. Баллада. Из Вальтер Скотта»). Возможно, что с источником этой баллады Жуковского, вслед за которой «Утопленник» получил, по-видимому, определение «сказка», связано и пушкинское определение «простонародная песня».

Оригинал «Замка Смальгольм» — баллада Вальтера Скотта «Иванов вечер» («The Eve of St. John», 1799) — печаталась в третьей части сборника «Песни Шотландской границы» (опубл. 1803).²⁷ Полное английское название этого издания: «Minstrelsy of the Scottish Border: Consisting of Historical and Romantic Ballads, Collected in the Southern Counties of Scotland; With a Few of Modern Date, Founded Upon Local Tradition». Слова «Minstrelsy» (поэзия менестрелей) и «Ballads» (баллады) здесь практически синонимичны, а традиционный русский перевод, в котором первое слово заглавия переводится как «песни», находит свое точное соответствие в том раннем французском прозаическом переводе этого издания, которое имелось в библиотеке Пушкина: «Chants populaires des Frontières Méridionales de l'Ecosse recueillis et commentés par Sir Walter Scott, traduites de l'anglais par M. Artaud» (Paris, 1826. Т. 1—4).²⁸ И как раз в то же время, когда был написан «Утопленник», Пушкин обращался к этому изданию: здесь, в третьем томе, была напечатана баллада «Два ворона» («Les deux corbeaux»), ставшая, как установил Ю. Г. Оксман,²⁹ источником стихотворения «Ворон

²⁵ Жуковский В. А. 1) Замок Смальгольм. Шотландская сказка // Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. № 2. С. 131; 2) Дунканов вечер. Шотландская сказка // Новости литературы. 1824. № 7. С. 106; 3) Замок Смальгольм. Шотландская сказка // Стихотворения Василия Жуковского. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824. Т. 3: Баллады. С. 323 (в оглавлении: «Замок Смальгольм. Шотландская сказка, Вальтера Скотта»).

²⁶ См.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2008. Т. 3. С. 383—384 (примеч. Э. Жилковой).

²⁷ В авторской обработке Вальтера Скотта здесь были представлены собранные им народные баллады.

²⁸ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 333. № 1367.

²⁹ См.: Оксман Ю. Г. Сюжеты Пушкина: (Отрывочные замечания). <...> II. «Шотландская песня» // Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова. М.; Пг., 1922. С. 27—30.

к ворону летит...», которое датируется сентябрем 1828 года.³⁰ Это стихотворение еще до появления его в печати было положено на музыку М. И. Вильгорским. Альбом, в котором текст был помещен вместе с нотами,³¹ вышел в свет почти одновременно с «Северными цветами» на 1829 год, куда Пушкин передал балладу о воронах.³² В альбоме она была напечатана под заглавием: «Ворон к ворону летит. Песня»,³³ в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1829. Ч. 2) — с перенесенным П. А. Плетневым в оглавление подзаголовком «Шотландская песня». История всех этих публикаций, европейских и русских, показывает, что обозначения «баллада» и «песня» воспринимались как практически эквивалентные.

Между тем в интересующем нас контексте стихотворение о воронах занимает далеко не последнее место не только в связи с его жанровыми определениями. Написанное, как и баллада «Утопленник», в период поисков ответа Катенину и так же, как и она, развивающее мотив мертвого тела, оно дает совершенно иную версию эстетики макабрического. В пушкинской переделке «Les deux corbeaux» ру-

³⁰ Год устанавливается в соответствии с указанием в «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1829. Ч. 2). В середине ноября 1828 года Пушкин писал А. А. Дельвигу из Малинников: «Сестра просит для своего *Голубчика* моего *Ворона*; как ты думаешь» (XIV, 35). Речь шла об издании «Лирический альбом на 1829 год», задуманном мужем Ольги Сергеевны Н. И. Павлищевым и выпущенном им совместно с М. И. Глинкой в самом конце 1828 года (см. ниже, примеч. 31). Из письма Пушкина следует, что О. С. Павлищева и А. А. Дельвиг были знакомы со стихотворением еще до отъезда Пушкина в Малинники, состоявшегося в ночь с 19 на 20 октября 1828 года (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*, Т. 2. С. 427). Положение автографа в рабочей тетради Пушкина позволяет сузить датировку до сентября этого года. Почерк, перо и светло-коричневые чернила, которыми записан автограф, сходствует с теми, которыми в сентябре 1828 года писались в этой тетради черновые строки первой песни «Полтавы», перебеленной, согласно авторской помете, 3 октября (ПД 98) (см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 50; *Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838): (История заполнения) // *Пушкин: Исследования и материалы*. Л., 1982. Т. 10. С. 255—256).

³¹ *Лирический альбом на 1829 год* / Изд. М. Глинкою и Н. Павлищевым. СПб., [1828].

³² См.: *Синяевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. С. 56, 57.

³³ С указанием: «Слова А. Пушкина. Музыка М. Вильгорского». Стихотворение еще не раз перепечатывалось при жизни Пушкина как «песня» (см.: *Галатей*. 1829. Ч. 1. № 4. Особое приложение (текст при нотах); *Песни, романсы и куплеты, из водевилей известных и любимых поэтов*. М., 1833. С. 78—79; *Полный новейший песенник, в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших авторов...* М., 1835. Ч. 3. С. 12—13.

сифидировались,³⁴ как «Овсяный кисель» Жуковского или «Певец» Катенина. Но не менее важным отступлением от оригинала стало то, что Пушкин исключил из баллады целую строфу, содержащую натуралистические подробности («Toi, tu te percheras sur sa blanche poitrine; moi, je lui arracherai avec mon bec ses beaux yeux bleus, et des boucles de ses cheveux blonds nous boucherons les fentes de nos nids»³⁵), и упоминание обглоданных человеческих костей («et sur ses os dépouillés et blanchis, les vents souffleront toujours»³⁶). В «Утопленнике» же, наоборот, намеренно нагнетался грубый физиологизм,³⁷ и в этом Пушкин, сближаясь с Катениным, оказывался смелее его. Работая над «Утопленником», Пушкин доказывал сразу несколько вещей. Во-первых, он отдавал должное именно тому типу баллады, который был выдвинут его оппонентом. Во-вторых, он демонстрировал, что в совершенстве владеет его оружием, бесстрашно вводя в текст и достаточно грубое просторечие, и натуралистические подробности. В-третьих, как автор «по-катенински» «русской» баллады, он с очевидностью занимал позицию русского певца, которая исключала навязываемую ему роль грека. В сумме все это подтверждало согласие с эстетическими принципами Катенина и готовность идти его дорогой чуть ли не более решительно, чем он сам. Такой ответ, однако, был слишком односторонним. И художественная позиция, заявленная в «Утопленнике», была уравновешена созданием другой баллады, доказывавшей, что сюжет о поедании мертвечины может быть обрамлен в изящную форму, позволяющую лишь легко коснуться «ужасного»: двойное упоминание страшного «обеда» оставляет читательское воображение свободным в том, как далеко оно может зайти.³⁸

³⁴ Вместо французского «chevalier» — «богатырь», вместо «sa dame» — «хозяйка молодая», вместо охотничьего пса — «кобылка вороная» и т. д.

³⁵ Chants populaires des Frontières Méridionales de l'Ecosse... Paris, 1826. Т. 3. P. 217; перевод: «Ты усядешься на его белую грудь; я вырву своим клювом его прекрасные голубые глаза; а его белокурыми локонами мы заделаем щели в наших гнездах» (франц.).

³⁶ Ibid; перевод: «...и над его обглоданными побелевшими костями всегда будут веять ветры» (франц.).

³⁷ «Безобразно труп ужасный / Посинел и весь распух»; «Из-за туч луна катится — / Что же? голый перед ним: / С бороды вода струится, / Взор открыт и недвижим, / Всё в нем страшно онемело, / Опустились руки вниз, / И в распухнувшее тело / Раки черные впились» (III, 117, 118–119).

³⁸ Воображение самого Пушкина этот образ явно тревожил: он вернулся к нему в «Капитанской дочке» (1836) (притча об орле и вороне, вложенная в уста Пугачева), а в своем стихотворении «На выздоровление Лукулла» (1835), по рассказу С. А. Соболевского, «в особенности любил» стих «Как ворон, к мертвечине падкий» (Летописи Гос. литературного музея, М., 1936. Кн. 1. С. 534).

Примерно через месяц после завершения баллады об утопленнике, предположительно в ноябре 1828 года, Пушкин набросал заметку «<О поэтическом слоге>», где, в частности, говорилось: «...поэзию <...> освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Попыты Жуковского и Катенина были неудачны, не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность “Убийцы”, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея. Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния

Гляди, гляди, плешивый —

стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас выражается смехом» (XI, 73).³⁹

Считается, что мысли, выраженные в этой заметке, Пушкин повторил в 1833 году, рецензируя вышедшие за год до этого «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». Однако между высказываниями 1828 и 1833 годов имеется существенная разница. Отзываясь в более поздней рецензии о переводах «Леноры», Пушкин решительно отдает пальму первенства Катенину, не побоявшемуся «простоты и даже грубости выражений», и противопоставляет «энергическую красоту» его произведения «неверному и прелестному подражанию Жуковского, который <...> ослабил дух и формы своего образца» (XI, 220—221). В 1828 году Пушкин пытается иначе рассудить то же поэтическое состязание: он стремится не обострить творческий конфликт, а, наоборот, уравновесить заслуги Катенина и Жуковского, упоминая рядом с «Убийцей» выполненные последним переводы идиллий И. П. Гебеля, и прежде всего имея в виду, конечно, «Овсяный кисель», в версии Жуковского ставший, как уже говорилось, ранним опытом создания русской идиллии.

Думается, что две пушкинские баллады 1828 года были созданы в поисках такого же равновесия.

Казалось бы, на этом должен был завершиться описанный здесь балладный творческий эпизод. Но около того же времени, предположительно осенью 1828 года, в той же рабочей тетради ПД 838, где был записан черновик стихотворения о воронах, тем же четырехстопным хореем, что и обе интересовавшие нас балла-

³⁹ Стих, с неточностью приведенный Пушкиным, был с осуждением отмечен Гнедичем (см.: Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 4).

ды, с той же перекрестной рифмовкой, что и «Утопленник», был сделан еще один набросок — первый набросок «Бесов».⁴⁰ Он был

⁴⁰ Этот набросок, расположенный на пробельном л. 88 рабочей тетради ПД 838, был датирован 1829 годом (см.: III, 1212 (примеч. Н. В. Измайлова); *Сандомирская В. В. Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг.* (ПД № 838): (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 263–264) в соответствии с пометой Пушкина в одном из списков стихотворений (см.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (доп.). С. 197). Действительно, основная черновая работа над стихотворением была произведена в 1829 году, но уже в другой тетради (ПД 841). Что же касается первоначального наброска, то он по своим палеографическим признакам настолько близок к автографам, появившимся в той же части тетради ПД 838 осенью 1828 года (черновики стихотворений «Поэт и толпа», «Цветок», вставка во вторую песнь «Полтавы» и некоторые другие), что можно с большой степенью уверенности утверждать: все эти тексты записаны примерно в одно время. Следующий приступ к «Бесам» — работа над черновым автографом в тетради ПД 841 — состоялся не ранее 2 октября 1829 года (уточнение датировки, предложенной Я. А. Левкович в статье «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: (История заполнения)» (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 253), см.: *Бодрова А. С.* К истории замысла и текста пушкинских «Бесов» // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 3. С. 271–272). Выказанная там же (с. 272–279) и принятая О. А. Проскуриным (см.: *Пушкин А. С.* Соч.: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2016. Вып. 3: Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года. С. 296–297 (коммент. О. А. Проскурина)) гипотеза о том, что, вопреки принятой точке зрения, набросок в тетради ПД 838 не предшествовал черновому автографу «Бесов» в тетради ПД 841, а был записан позже него, предположительно после 10 ноября 1829 года, не выдерживает критики. По степени проработки замысла совершенно очевиден иной порядок. В последнем слое правки набросок из тетради ПД 838 читается:

И за их волнистой дымкой
 Месяц < > снов ночных
 Освещает невидимой
 [Пляску вихрей снеговых]

Отступив чуть вниз, Пушкин по центру строки записал: «Тучи». Не было ли это первоначальным заглавием «Бесов»? Расположение слова не исключает такой возможности. Еще ниже — несложившиеся строчки, уже отдаленно напоминающие начало стихотворения:

Вьется < >
 Заметая зимний <путь><?>

Черновик в тетради ПД 841 подхватывает развитие тех же начальных мотивов:

< > — мчатся тучи
 < >
 < > снег летучий
 Заметает < > путь —
 (ПД 841, л. 121 об.)

В ходе дальнейшей работы над стихотворением на л. 121 об. и 122 появляются все новые и новые мотивы, фигурирующие в болдинском автографе «Бесов».

отложен надолго (сначала до 1829 года, а затем до Болдинской осени 1830-го) — пока балладное, сказочное и песенное начала, по отдельности узнаваемые в образах и ритме, не сплелись воедино в кружащей зловещей напевности, которая уже не имела ничего общего ни с Гнедичем и Жуковским, ни с Грибоедовым и Катениным.

М. Н. Виролайнен

ОБЛОЖКА К РУКОПИСЯМ «МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЙ»

**Опыт графических изучений
«опыта драматических изучений»**

Выход в свет в 2013 году факсимильного издания болдинских рукописей Пушкина¹ стал неоценимым подспорьем для исследователей-пушкинистов. Самое главное, что нам предоставлен рукописный контекст. Болдинская осень 1830 года уникальна своей локализованностью, теперь и болдинские рукописи локализованы в одном издании.

Т. И. Краснобородько, обобщая опыт предшествующих исследователей (С. М. Бонди, Т. Г. Цявловской), отмечала в «Предисловии»: «...болдинские автографы 1830 г. дошли до нас не полностью. Нам неизвестна значительная часть черновых рукописей этого периода (например, всех “маленьких трагедий” <...>, возможно — “Повестей Белкина”)». Но существует легенда о наличии пушкинских черновики, и «нельзя исключить и того, что оно (это предположение. — С. Д.) могло возникнуть не на пустом месте» (Болдино, I, 80).

По характеру многие болдинские листы — это перебеленные (или беловые) рукописи с правкой различной степени интенсивности («маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Домик в Коломне», «Сказка о попе...» и др.). Неоднократно отмечалась насыщенность рукописей рисунками-иллюстрациями, виньетками, концовками, «книжным» выделением заглавий.

Поскольку у Пушкина в Болдине не было с собой привычных «рабочих тетрадей», он складывал написанное в импровизированные

¹ А. С. Пушкин: Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авт.-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова; Вступ. ст. С. А. Фомичев. СПб., 2013 (СПб., 2009. Т. 1–3 (Коллекц. изд.)). Далее в статье: Болдино, с указанием тома и страницы.